

— Даос, я ухожу.

Наступило долгое молчание. Оно длилось так долго, что Бай Ван уже решил, будто сейчас, как и прежде, Инь Хуайсянь схватит его и не позволит уйти. Но в итоге Инь Хуайсянь лишь опустил взгляд и отозвался:

— М-м.

— Даос, еще увидимся. — Бай Ван одарил его улыбкой и сделал несколько шагов вниз по ступеням.

Однако на этот раз он не услышал ответа. Бай Ван обернулся и увидел, что Инь Хуайсянь все так же стоит на месте и смотрит ему вслед.

Ждал ли он его в прошлой жизни?

Бай Ван размышлял: нашли ли его останки? Как долго Инь Хуайсянь ждал его тогда? Стоял ли он так же, одинокий, с глазами, похожими на прозрачный глазури́т, на этих каменных ступенях, вглядываясь в бесконечную серую дорогу, день за днем изводя себя ожиданием?

Сколько стоил он, прежний, того, чтобы его ждали? И есть ли у него, нынешнего, судьба встретиться с ним вновь?

Бай Ван поправил заплечный мешок и снова посмотрел наверх:

— Даос, на самом деле я не хочу уходить. Мне так не хочется расставаться.

— М-м, — снова отозвался Инь Хуайсянь.

— Но теперь у меня бесполезный корень. Остаться в секте Цинской Цзюсяо для меня — значит быть обузой. Раньше я мог защитить их, а теперь я ничего не могу сделать. — Голос Бай Вана дрожал, разбиваясь о порывы горного ветра.

Он не знал, переродился ли Инь Хуайсянь и понимает ли, о чем он говорит, но не смог сдержаться:

— Если случится то же, что и раньше, я не смогу ничем помочь, возможно, я стану для них лишь обузой.

Ничего не сделать, ничего не добиться. Для Бай Вана это было самым горьким бессилием в мире. Пропась между двумя жизнями в конечном счете обнажила его нежелание мириться с

судьбой перед лицом испытаний.

— Поэтому, даос, выходит, я все-таки...

— Есть я, — внезапно перебил Инь Хуайсянь.

Бай Ван замер и поднял взгляд, встречаясь с ним глазами.

— Не волнуйся, есть я, — повторил Инь Хуайсянь, выговаривая каждое слово отчетливо и твердо.

Всего шесть слов, но Бай Ван ясно понял: он никуда не уйдет. Тоска, которую он пытался подавить, вдруг затопила его сердце — не просьба остаться, но нечто куда более сильное.

Как можно было так просто отпустить место, которое в прошлой жизни было домом? Бай Вану нужно было лишь услышать эти слова, чтобы обрести покой.

— Даос, — Бай Ван внезапно рассмеялся. — А ты не хочешь, чтобы я уходил? Давай так: если позволишь мне жить в твоём бамбуковом домике, я останусь. Идет? В Павильоне Собрания Мудрецов мне не спится.

Глаза Инь Хуайсяня засияли, словно полная луна:

— Хорошо.

— Пошли, возвращаемся, — Бай Ван вприпрыжку взлетел по ступеням, чувствуя, как на душе стало необъяснимо легко.

Вернувшись в бамбуковый домик, Бай Ван небрежно бросил вещи и повалился на кровать, дважды перекатившись с боку на бок. Воздух сразу наполнился холодным ароматом.

Прижавшись к одеялу, он с облегчением выдохнул — здесь спалось спокойнее всего. Подняв глаза, он увидел, что Инь Хуайсянь молча наблюдает за ним.

Бай Ван кашлянул, поспешно сел ровно, но внутри снова проснулось желание подшутить:

— Даос, даос.

— М-м? — отозвался тот.

— Может, спрячешь меня? Все равно никто не знает, что я вернулся, — Бай Ван прищурился, хитро улыбаясь. — Кто бы мог подумать, что такой холодный и отстраненный даос решит укрыть у себя красавца? Ха-ха-ха, даос, ты снова...

— Хорошо.

— ...снова смутился. Погоди, что ты сказал? — Бай Ван осекся, едва не прикусив язык.

— Хорошо, — Инь Хуайсянь чуть повысил голос, словно боясь, что его не расслышали.

...

Инь Хуайсянь, ты испортился. Скажи, у кого ты этому научился? Я пойду и прибью его. О, мой чистый, невинный и святой даос, ты испортился.

Бай Ван прижал руки к груди, делая вид, что смертельно обижен, совершенно забыв, что больше всего в этой ситуации «прибить» стоило его самого.

— Кстати, даос, — вдруг вспомнил Бай Ван. — Насчет того, что я остаюсь... Наверное, стоит сказать об этом Цюнфан-цзюню? Узнать, не против ли он, если я стану гостевым учеником. Хотя с моим-то корнем... Ох, не знаю, не знаю. Поможешь мне замолвить словечко?

Пока он рассуждал, в дверь тихо постучали.

Инь Хуайсянь встал и открыл. Вошла Цю Хуапин, тихо позвав: «Старший брат». Она выглядела подавленной и расстроенной. Но, переступив порог, она увидела Бай Вана, который сидел на кровати, лучезарно улыбаясь ей.

— Старший... господин Бай? — Цю Хуапин широко раскрыла глаза от изумления, но в голосе тут же проскользнула радость. — Разве вы... разве вы не ушли с горы?

— А? Я? — Бай Ван указал на себя и рассмеялся. — Пришел сорвать цветок, не ожидал, что ты застанешь меня на месте преступления.

— Сорвать цветок? — Цю Хуапин растерялась.

— Ну да, сорвать вот этот безупречно чистый цветок, — Бай Ван не сдержал смешка и указал на Инь Хуайсяня.

Цю Хуапин вдруг все поняла. Ее лицо вспыхнуло, но она быстро взяла себя в руки и с улыбкой ответила:

— Раз уж сорвали, господин, придется нести ответственность. У нас в секте Цинской Цзюсяо такой старший брат только один, и замуж его не выдают. Так что лучше уж вам войти в нашу семью примаком.

Бай Ван замер. Если бы это была прошлая жизнь, он счел бы такую шутку естественной. Но Цю Хуапин всегда была сдержанной и благородной девицей, особенно с чужими людьми. Они виделись всего несколько раз, по сути, оставаясь незнакомцами. Почему же, стоило ей заговорить, как перед глазами снова возник образ той самой младшей сестры, с которой он когда-то постоянно подшучивал друг над другом?

Заметив замешательство Бай Вана, Цю Хуапин поняла, что ее ответ был неуместным. Пока она пыталась придумать, что сказать, Инь Хуайсянь мягко перевел тему:

— Зачем ты искала меня?

— Старший брат, — Цю Хуапин перевела дух. — Вас зовет Цюнфан-цзюнь. Во Дворец Сяньцзюй.

Инь Хуайсянь кивнул:

— Сейчас приду.

— Ах да, Цюнфан-цзюнь еще сказал, — Цю Хуапин посмотрела на Бай Вана, — если господин Бай еще не ушел, пригласить его вместе с вами.

— Как раз вовремя, пойду попрошу Цюнфан-цзюня позволить мне остаться гостевым учеником,
— Бай Ван прыгнул с кровати, одернул одежду и с улыбкой посмотрел на Инь Хуайсяня: — Пошли.

— М-м, — отозвался тот.

— Спасибо, что пришла, старшая сестра Цю, — Бай Ван улыбнулся девушке. Обращение «старшая сестра» далось ему с трудом.

Цю Хуапин ответила мягкой улыбкой. Провожая взглядом Бай Вана, который уже собирался уходить, она вдруг окликнула его:

— Господин Бай!

— М? — Бай Ван обернулся в недоумении.

— Господин Бай... если, если, — она помедлила, собираясь с духом, — если учитель позволит вам остаться в секте Цинсуй Цзюсяо, пожалуйста, не уходите больше.

Бай Ван посмотрел в ее ясные глаза, почувствовал, как на сердце стало тепло, и громко ответил:

— Хорошо, не уйду.

Дворец Сяньцзюй сиял золотом и лаком, украшенный искусной резьбой. Цюнфан-цзюнь стоял в одиночестве, величественный и невозмутимый, словно журавль среди облаков.

Увидев, как они входят, плечом к плечу, он едва заметно улыбнулся.

— Учитель, — Инь Хуайсянь поклонился. Бай Ван последовал его примеру, назвав его «главой секты», и уже было приготовился просить о статусе гостевого ученика, как Цюнфан-цзюнь опередил его:

— Господин Бай.

— Господин Бай, я слышал от Чэньшу Саньжэня, что ваш корень — бесполезный.

Сердце Бай Вана ушло в пятки: сейчас его точно выгонят.

— Вы собирались уйти с горы, но до сих пор здесь. Неужели что-то держит вас, и вы не хотите уходить? — продолжил Цюнфан-цзюнь.

— Да, — Бай Ван решил идти ва-банк: будь что будет, если выгонят, так выгонят.

— Тогда не хотите ли вы вступить в мою секту Цинсуй Цзюсяо? — мягко улыбнулся Цюнфан-цзюнь.

Бай Ван вскинул голову, долго смотрел на него, не веря своим ушам, и наконец выдавил:

— Хочу!

— Тогда, господин Бай, желаете ли вы стать моим учеником? И назвать меня учителем?

<http://bllate.org/book/19399/1899638>